

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 29-го ноября 1909 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 9852.

Ненужный.

(ЭСКИЗЪ).

Когда Лазаревский вшелъ въ комнату своей жены, въ домѣ все сразу стихло. Всѣ обитатели помѣщичьяго дома въ „Дальнемъ“ (такъ называлось имѣніе Лазаревскихъ) поняли, что случилось что то серьезное. Было тихо. Изъ кухни слышался только звонъ посуды и заунывно-грустная пѣсня поваренка Никитки, да изъ комнаты, куда вошелъ Лазаревский, доносилась его раздражительная рѣчь и спокойный, какой то холодно-спокойный, голосъ жены...

Когда же поздно вечеромъ, идя въ свою комнату, Глѣбъ проходилъ мимо дверей матери, до его слуха донеслось слѣдующее:

— Во всякомъ случаѣ, Глѣба я тебѣ не отдаю...

— Не нужно...

— Въ такомъ случаѣ, послѣ этого намъ съ тобой говорить больше не о чёмъ, поступай, какъ знаешь!—громко сказалъ отецъ и вышелъ изъ комнаты.

— Ты что здѣсь, а?—раздраженно обратился онъ къ Глѣбу,—маршъ въ свою комнату... ненужный...

Прия въ свою комнату, Глѣбъ быстро раздѣлся и легъ въ постель. Въ комнатѣ было душно. Онъ поднялся, открылъ окно и снова легъ. Подусть пріятный, теплый вѣтерокъ. Изъ сада доносился запахъ цвѣтовъ, и слышалась грустная трель соловья... Сонъ не приходилъ. Въ головѣ все звучалъ отрывокъ слышанного разговора, и слово матери: „не нужно“ не давало ему покоя. Онъ не слышалъ всего разговора, но чувствовалъ, что скоро произойдетъ что то такое, что перемѣнитъ всю его жизнь. Но онъ не могъ понять, какъ она, его любимая мать, могла сказать, что онъ, ея Глѣбъ, ей не нуженъ?... „Не нуженъ... не нужно... не нуженъ...“

Онъ поднялся и подошелъ къ окну. Оттуда глядѣла чудная, тихая ночь... Мириады звѣздъ застилали все небо и своими золотыми глазками смотрѣли на землю... Листья тополей, стоявшихъ у самаго окна, еле-еле колыхались, и легкій, едва замѣтный вѣтерокъ подгонялъ чистый, свѣжій воздухъ въ темную комнату.

Глѣбъ вспомнилъ, что въ точно такую же ночь—онъ у этого же самаго окна любовался звѣздами со своей матерью... А теперь... Нѣть, нѣть! Онъ не понималъ, не могъ понять того, что произошло... Спазмы сдавили горло... Стало еще тяжелѣ на душѣ... Онъ быстро закрылъ окно и бросился въ постель...

Въ комнатѣ было попрежнему тихо, тихо... Гдѣ то тикали часы... За окномъ заливался соловей...

Проснувшись на другое утро, Глѣбъ услышалъ какой-то шумъ, слышалъ, какъ отецъ кричалъ:

Н. П. Тринклеръ,

по случаю 25 лѣтія врачебной дѣятельности.

М. М. Мироновъ,

по случаю 25-лѣтія врачебной дѣятельности.

— Этого я не допущу!... Этого не будетъ!... Не давать лошадей!... Ты меня срамишь!...

Слышалъ также, какъ мать прерывательно-спокойнымъ голосомъ замѣчала:

— Довольно, довольно, все равно крикомъ не поможешь.

Потомъ слышалъ, какъ мать приказала пойти за нанятыми лошадьми, какъ велѣла выносить вещи, и, наконецъ, услышалъ ея шаги по коридору.

— Неужели ко мнѣ?—подумалъ Глѣбъ, и его сердце скжалось какъ-то непріятно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, радостно.

Дѣйствительно, дверь пріотворилась, и онъ услышалъ:

— Ты спиши, Глѣбуша?

— Нѣть, мамочка.

Мать вошла.

— Послушай, мой дорогой мальчикъ,—сразу начала она, стараясь говорить какъ можно спокойнѣе и нѣжнѣе, но что-то какъ будто мѣшало ей, и ея голосъ становился все болѣе неровнымъ и дрожащимъ:—Послушай, Глѣбуша, какъ мнѣ ни тяжело оставлять тебя, на нѣкоторое время (она сдѣлала удареніе на словѣ: „нѣкоторое“), я должна уѣхать и оставить тебя съ... нимъ... съ папой, поправилась она:—я, вѣроятно, скоро приѣду; ты не скучай, мой дорогой. Она быстро, порывисто обняла его, прижалась къ себѣ и, осыпая поцѣлуями его заплаканные глаза, начала плакать.

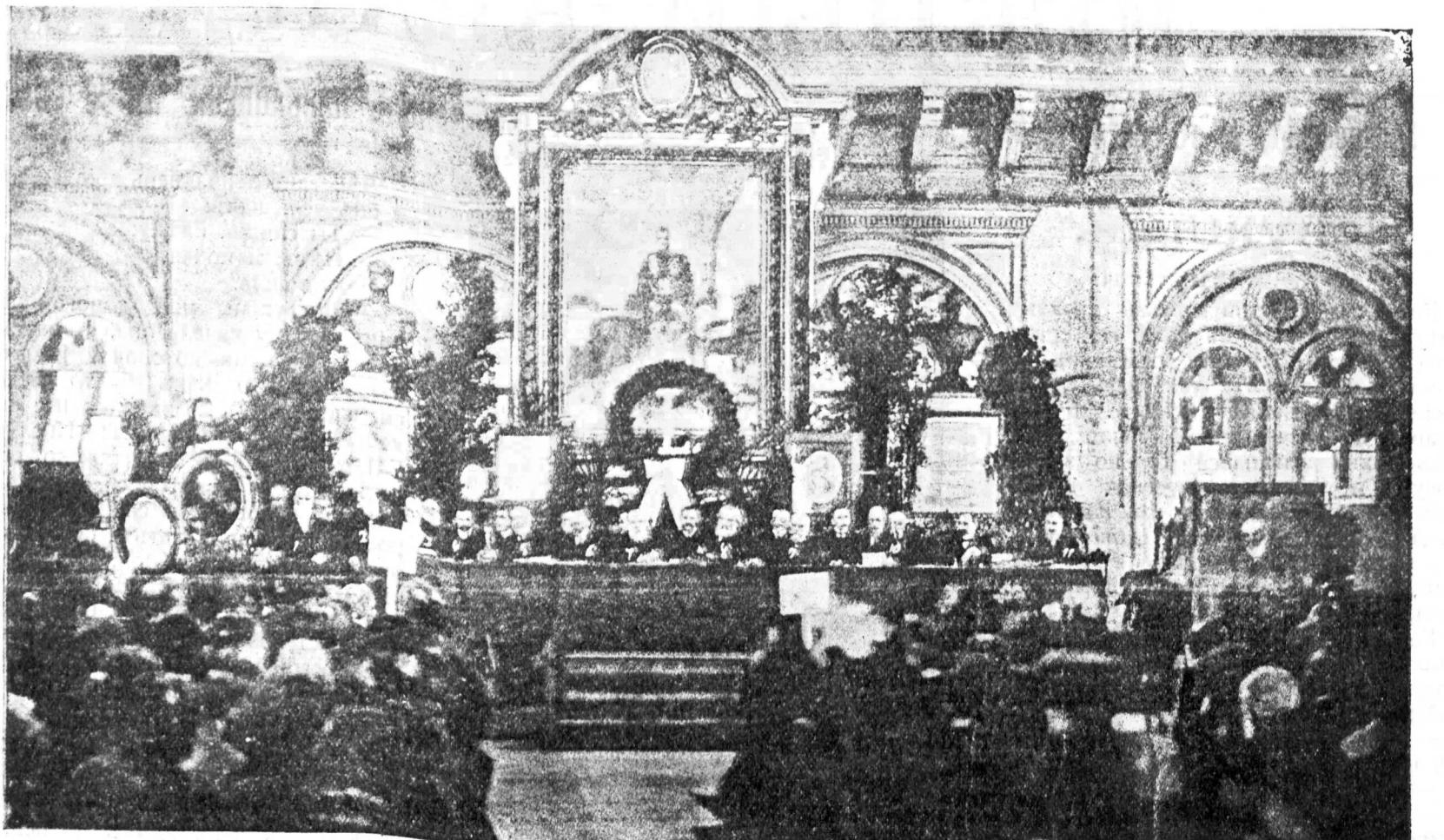
— Не скучай, не скучай!—Она еще разъ крѣпко прижала его къ себѣ, поцѣловала въ губы и быстро вышла.

— Мама, мама!—отчаянно закричалъ Глѣбъ и побѣжалъ за ней, но здѣсь его подхватили, и онъ упалъ на чьи-то услужливо подставленныя руки.

Когда Глѣбъ очнулся, то увидѣлъ себя лежащимъ въ своей комнатѣ на кровати. Первою мыслью его было: „гдѣ она?“

Хотя онъ чувствовалъ ужасную слабость во всемъ тѣлѣ, но, быстро со скочивъ съ кровати, бросился въ соѣднюю комнату, „ея“ спальню. Здѣсь все было на своемъ мѣстѣ. И лишь незастланная постель да пустой шкафъ и комодъ говорили обѣ ея отсутствіи. А еще такъ недавно она была здѣсь! Еще такъ недавно онъ приходилъ сюда, садился на скамеечкѣ у ея ногъ и рассказывалъ ей о городѣ, о гимназии, а она слушала его, тихо вздыхала и цѣловала его лобъ... Еще такъ недавно... Глѣбъ вернулся къ себѣ и бросился на кровать. Всѣ мысли были о ней. Вспомнилось раннее дѣтство... Вспомнились осенние тихіе вечера, когда вѣтеръ бушевалъ, и шли вѣчные дожди, а онъ сидѣлъ въ это время въ уютной, свѣтлой комнатѣ и мечталъ о будущемъ, о томъ далекомъ будущемъ, которое всегда представляется ребенку какимъ-то чудесно-лучезарнымъ и прекраснымъ. Вспомнилось, какъ мать укладывала его спать, онъ ложился въ мягкую постель, а она, его любимая мать, садилась здѣсь и рассказывала о прекрасныхъ принцахъ, о далекихъ странахъ, о вѣчно цвѣтущихъ деревьяхъ и вѣчной веснѣ... Потомъ она умолкала, цѣловала его и садилась работать или читать книгу. Но Глѣбъ не засыпалъ, онъ смотрѣлъ на красивое лицо матери, и самъ представлялъ себя какимъ-нибудь принцемъ, а мать—прекрасной, доброй принцессой, которая оберегала жизнь его—принца.

— Глѣбуша, ты спиши?—спрашивала она.

Торжественное заседание по случаю 50-летия юбилея Литературного Фонда 8 ноября в Александровском зале Петербургской городской думы.

За председательским столом сидят: 1) М. М. Стасюлевич. 2) К. К. Арсеньев. 3) В. Д. Набоков. 4) В. Я. Яковлев-Богучарский. 5) А. С. Пругинин. 6) В. Д. Кузьмин-Караваев. 7) Н. Ф. Анченский. 8) Н. И. Кирьев. 9) О. О. Воропанов. 10) В. Г. Котельников. 11) А. Б. Градовский. На кафедре — С. А. Венгеров, читающий речь о Дружинине.

— Нет, мамочка, сядь возле меня.

И она садилась, глядя его выносящимися волосами, а он целовал ее белые тонкие руки...

Потом вспомнилось то время, когда мать отвела его в гимназию.

Было сырое, пасмурное утро, моросиль дождик, и было так тоскливо на душу, так не хотелось разставаться с матерью и бежать в город, который представлялся таким чуждым и холодным. Вспомнилась гимназия, пансион, где он жил, и где его мысли все же всегда были возле матери; вспомнилось, как он страстно ждал Рождества, чтобы снова быть дома, — возле нее...

Но от этих воспоминаний сделялось еще тоскливее, еще тяжелей. Святая воспоминания прошлого сменили тяжелые, гнетущие мысли настоящего. И эти мысли бегали в голове и не давали покоя...

И в душу Глеба впервые закрались прежде отчаяние, потом злоба и, наконец, какая-то безысходная, беспросветно-страя пустота. Сжимало мозг, не хотелось ни на что смотреть, ничего делать... Было одно желание: скряться убежать отсюда ку-

Группа русских писателей.

Крачковский, М. П. Арцыбашев, С. А. Найденов, С. А. Юшкевич, Н. Н. Хоцотов, артист Петербургского Александринского театра, В. В. Башкин и В. Муйжель.

да-нибудь далеко, далеко, вдали от этих злых и бездушных людей... Но силы не было. Организм ослабел, ныла голова, болело все тело. Трудно было повернуться...

Опять все тихо, ничего не слышно, ни голосов, ни шума.

— Что за тишина? Где же все? — подумал Глеб.

Но не хотелось идти узнавать, не

хотелось смотреть на людей.

Тихо, тихо... Солнце проглядывает через занавеску, да где-то не вдалеке чирикают воробыши: «живь, живь»...

Жизнь идет своим чередом, а между тем Глеб не чувствует ее: все так же далеко от него, все так же противно, не нужно, вмешаться в него, который тоже никому не нужен...

— Ненужный, не нужен, ненужный... — слышится все настойчивый и настойчивей, как будто кто отчеканивает молотком: разъ, разъ, разъ... и так же без конца... без конца...

Борис Печалин.

ВЕЧЕРОМЬ. (Миниатюра).

За окном шумит дождь, бьет по стеклам, и слышно, как прохожие разбрызгивают грязь, шлепают по лужам, вздыхают и клянут осень, вечер, не погоду. Уличные фонари расплываются на оконных стеклах, как громадные сальнико-пятна без контуров, без определенных черт. Если прижаться лицом к стеклу, можно увидеть мокрую мостовую, в которой отражаются робкие

Бернштейн-Бернсон.

Норвежский писатель, 77 лет; больной в настоящее время.

ночки вкушают сладкий сон перед ужином, в ожидании ночного сна, видят на стенах дешевые картинки с трогательными сюжетами вроде всадника, засыпаемого снегом, возле павшего коня. И Леночка, и кошка, и картинки на стенах кажутся ей милой, давно знакомой, но забытой идиллией, на которую она опять натолкнулась через многое лета. Ему хочется сказать что-нибудь приятное девочке.

— Леночка, — говорит она, — сегодня вы, наверно, получили ваши деньги?

Леночка поднимает голову от шитья и широко открытыми глазами смотрит на жильца; она живет у них уже два месяца и все время держит себя совершенным дикарем. И вдруг...

— Нет, — говорит она, — не получила.

— Неужели?

— Да.

Леночка чуть-чуть улыбается.

— И, кажется, мнѣ ихъ совсѣмъ не получить. Хорошо, что немного денегъ.

— Почему же совсѣмъ не получить?

— Такъ...

— Развѣ это секретъ?

— Нетъ. Не стоитъ рассказывать.

— Почему? Расскажите.

Въ голосѣ Леночки слышится сдержаннѣй смылъ. Быть можетъ, ей самой хочется разказать то, о чём спрашивается Викторъ Петровичъ, но она дѣлает строгіе глаза и говорит:

— Если вамъ такъ хочется...

Она облокачивается на столъ, и лицо ея выходитъ изъ тьмы прямо подъ свѣтъ лампы.

— Я не получу ничего потому, что не пойду получать деньги. А не пойду потому, что сегодня мужъ моей заказчицы наговорилъ мнѣ... пустяковъ. Дѣло было такъ. Я не застала заказчицы дома и рѣшила ее подождать. Сижу. Вдругъ растворяется дверь, и входитъ старичекъ, маленький, дряхленький и такой хорошій съ виду. Я еще подумала: «бывают же такие славные старички». Прошелся старичекъ по комнатѣ, остановился, потеръ руки и говоритъ:

— Вы, душечка, моей жены дожидаетесь?

— Да.

— Боюсь я, что вамъ, душечка, долго ждать придется.

— Тогда я приду завтра.

— Приходите завтра. Покаще къ намъ приходите. Не забывайте, душечка, насы. Когда вы приходите, я каждый разъ вами любуюсь. Любуюсь и думаю: «охота же такой прелести пальчики работой трудить».

Леночка улыбается и продолжаетъ:

— Я, знаете ли, такъ растерялась, что и слова сказать не могу. Такой старичекъ, такой дряхленький, просто одной ногой въ могилѣ стоитъ, — и вдругъ такія рѣчи. А онъ качаетъ лысой головой и говоритъ...

Леночка закусываетъ губы.

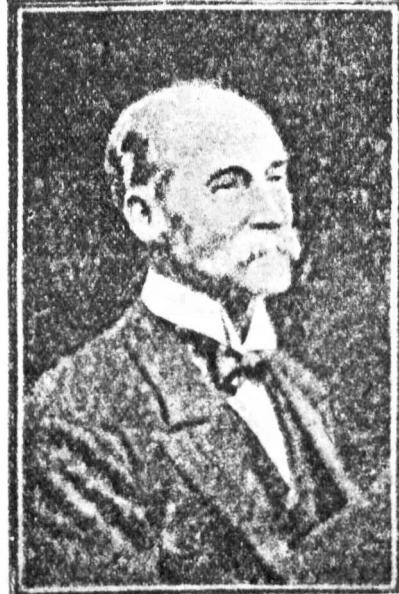
— Что же говорить? — спрашиваетъ Викторъ Петровичъ нетерпѣливо.

— Пустяки. Право же, не стоитъ рассказывать.

— Рассказывайте, если начали!

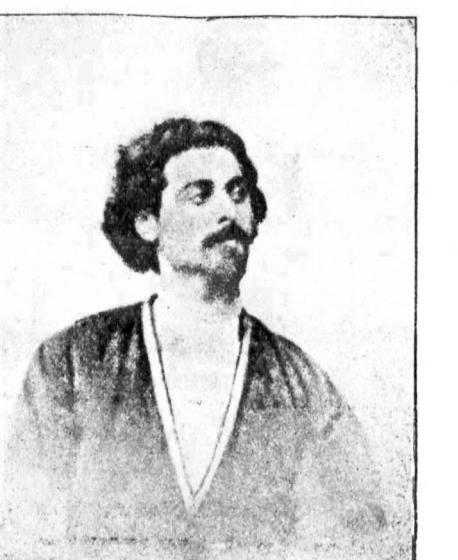
— Онъ говоритъ: «эти пальчики только для поцѣловьевъ созданы, а вы ихъ за иглу посадили! Такой смѣшной». «И глазки», — говоритъ, — тоже: такие славные, черные глазки трудить на работе?! Прямо безчеловѣчно!»

Викторъ Петровичъ смотритъ на руки Леночки и говоритъ громко:

Лордъ Лэнсдоунъ.

Оратарь въ англійской палатѣ лордовъ, убѣждавшій отклонить бюджетъ, прошедшій въ палатѣ общинъ.

К. Г. Потхвашвили.

Грузинский композиторъ, который въ непролongительномъ времени поставилъ въ Харьковѣ четырехголосный грузинскій пѣсни съ аккомпанементомъ оркестра.

В. В. Люце.

Въ виду предстоящаго ея концерта 4 декабря въ Дворянскомъ собрании въ пользу римско-католического благотворительного общества.

— А у васъ, Леночка, въ самомъ дѣлѣ, маленькая руки.

Затѣмъ онъ смотритъ на глаза Леночки и добавляетъ:

— А какіе у васъ славные глазки! Странно, что я не замѣчалъ.

Леночка думаетъ: «неужели ты только сейчасъ догадался объ этомъ?» и опять берется за иглу. А Викторъ Петровичъ спрашиваетъ быстро:

— Какъ? Развѣ старичекъ больше ничего не говорилъ?

— Говорилъ, но... право же, не стоитъ рассказывать.

— Странно! Тогда не нужно было и начинать, — говоритъ сердито Викторъ Петровичъ.

— Не сердитесь. Если вамъ такъ хочется, я расскажу... Дальше старичекъ восхищался бѣлизной моей кожи и гово-

Иванъ Грозный.
Статуя Антокольского 1871 года.

М. М. Антокольский,
По случаю открытия ему памятника въ
Петербургѣ, 22 ноября.

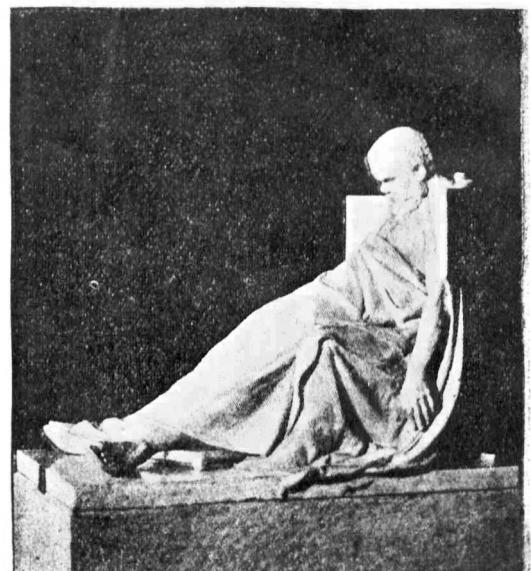

Несторъ.
Статуя Антокольского 1889 г.

риль, что мои щеки напоминаютъ ему персикъ и что ему хочется ущипнуть меня за щеку...

— Нахаль!

— А я сидѣла и все шире и шире открывала свои глаза. Если бы вы видѣли, какъ онъ былъ старъ и дряхлъ, какъ тряслись отъ старости его ноги, какъ прыгало пенснѣ, въ которое онъ разглядывалъ меня. Затѣмъ, когда я опомнилась, то вскочила и ушла, сказавъ ему на прощанье: „вы такъ же гадки, какъ стари; и вамъ не стыдно?“ И, конечно, я больше туда не пойду. Вотъ почему я совсѣмъ не получу денегъ.

Сократъ.

Статуя Антокольского 1877 г.

Мефистофель.

Статуя Антокольского 1884 г.

